

АФГАНСКАЯ АКВАРЕЛЬ
АСЕЕВА ЕЛЕНА

2007

1.

Они все внутри меня. Глаза, глаза, глаза. Голубые, светло-зеленые, пронзительно черные. Уличные воришки и пацаны, продающие на пыльной дороге инжир в самодельных корзинках. Торговцы серебром, сидящие на корточках под тенью дерева и запыхавшиеся девушки, приподнимающие занавес бурки. «Салам». Так всегда принимающие. Так все тебе отдающие, словно не было войны, словно мы родились и кормились молоком одной матери.

Перевидав, перепробовав разные концы света мне вдруг здесь, в этой пыльной отчаянной пустыне стало легче, словно я была дома. И этот ад, внешне, вдруг показался раем.

Я никогда не думала, что мне будет близок Афганистан. То есть как близок – я вынуждена была здесь находиться и особого удовольствия не испытывала. Зимы были очень трудными – все эти проблемы с электричеством, водой, стрельбой, политической обстановкой. Весной все расцветало - та скудная растительность, что была еще не съедена овцами и не пущена на растопку домов. Розы, птички, школьницы в черных платьях и белых шарфах. «Бакшиш, баушиш, мадам - бакшиш», - толпа нищих, калек, попрошаек, облепляющая каждого чужестранца в надежде перехватить подачку судьбы у доброго интернационального контингента. Последний раз я себе обещала, что я больше сюда не вернусь.... И вот снова - самолет плавно кочует над выжженными ветрами горами.

Серо-желтые каменные скалы почерканы в некоторых местах синими штрихами горных речек, где-то видны высохшие русла. Мне это напоминало огромную абстрактную картину – ритмично-одинаковую до горизонта, в которой преобладали два цвета - голубой и серо-коричневый. Цвета пыли и неба. Это и был Афганистан. Станный, переворачивающий все в тебе, обращающийся к твоей самой глубинной струне: «Сможешь или нет принять меня?». Зигзаги речек отражающих небо, рельеф изъеденный ветром и тектоническими передвижениями местности, страна на краю света, куда птица не долетит и зверь не добежит. Сиреневая страна. Страна поэтов. Наверное, подобные пейзажи – это инстинктивная картинка той реальности, которая противоположна нашему представлению о цветочно-луговом счастье и комфорте. Ад? Чистилище? Странно было и необъяснимо, как может приспособиться к нечеловеческим условиям человеческое существо.

Первый раз я сюда приехала поздней осенью. Несколько лет назад. Переборозив испуг и первое мгновенное желание запрыгнуть обратно в тот же самый самолет, на котором прилетела, я решила все-таки остаться и понять, как можно полюбить

все это. Воздух стоял черный от пыли и копоти миллионов маленьких портативных генераторов, которые каждая семья и каждая лавочка жгли во дворе для того, чтобы обеспечить себя электричеством и водой. Грязь была по колени - жидкая глина, которую месили тысячи ног, обутых в летные шлепанцы-вьетнамки. Солнце еле проглядывающее через тучи смога и пыли. Белеющие вершинами на горизонте пики гор. Сидящие на корточках вдоль дорог на глиняных кучах и пьющие чай пожилые афганцы, обернутые во что-то наподобие пледа с чалмой на голове, разделанные туши баранов, висящие на улицах на продажу, стада грязных овец бредущие прямо посередине улиц наряду с джипами последней марки и военными бронемашинами, голубые бурки-паранджи - все это было как кошмарный сон.

«Она с ума сошла», - такова была реакция почти всех, кто был оповещен, что я собираюсь в Кабул. Но как только я выходила из самолета и видела все это вокруг – криво заасфальтированную привокзальную площадь, с покрашенными известью бордюрами, клумбы с розами, аскетичные сосны, улыбающихся бородатых афганцев, до боли знакомое стандартное мраморное фойе маленького аэропорта с надписью на английском с ошибками: «Дбро пожловать в Афганистан» - меня пронизывало смутное понимание, что Родина где-то рядом. Родина, где говорят по-русски и носят скромную неприхотливую одежду. Где размышляют о смысле жизни и благодарны тому малому, что имеют. Где тебя любят.

Меня здесь не любили. Да я и не навязывалась.

Я сюда приехала от отчаяния. В этот сгусток обездоленности. В эту страну, на конце всех стран, забытую, униженную и пронзительную, чтобы увидеть себя так, как на меня смотрели из своих глинобитных хижин тысячи красивейших ангельских глаз.

Чтобы увидеть небо. Впервые. И понять.

Что мне отдать вам? Что я могу? Осмелюсь ли...

2.

Ахмед

«Я прочитал все книги про Ислам. Прочитал все книги про коммунизм. И я верю в одну единственную религию – равенство всех людей перед Богом». Изъеденное морщинами грустноглазое лицо человека, пережившего и попытки социализма, и талибан, который говорит мне эти слова. Писатель, журналист, даже прораб. Лучший прораб компании и агроном по образованию. Мы с ним часами перебирали в памяти имена восточных поэтов, запивая сие действие водкой. На всех вечеринках, которые устраивали то Британское посольство, то миссия ООН, то просто американо-европейские собраты по несчастью, залетевшие в Кабул либо на волне золотой лихорадки, либо по распределению, мы постепенно находили друг друга, складывали рядом свои стаканчики и погружались в туманно-сказочные мечтания. О Руми, Хаяме, Низами и столетиях назад, когда ЗДЕСЬ все было другое.

«Лана, ты рисуешь? Ты покажешь мне свои картины? Оооо...», - он по-детски верил в две незыблемости на планете Земля. В образование и – искусство. Даже не так. В искусство он верил намного больше. «Ахмед, почитайте мне стихи». «Но они же на фарси».

Это были самые смешные в мире вечеринки. Кругом копошились пьяные австралийцы, громкие американцы, рыжие британцы, заигрывавшие с редкими барышнями в апофеозе веселья. Барышни, в массе своей, были либо походно-натуралистичные американские инженеры (боже мой), либо разные NGO (так их и называли, энджио, или представители неправительственных организаций, конкретнее: девушко-бабушки-миссионерки-гуманистки). Первые были убийственно серьезные, вторые невыносимо гуманитарные. NGO носили колоритные этно-одежки, браслеты, шарфы и чуквяки. В подобном обмундировании даже самая изысканная француженка превращалась в чучело, не поверить доброте которого было просто невозможно. Они лечили несчастных афганцев, учили их принимать роды и пользоваться контрацепцией, не употреблять опиум от всех напастей и не верить пропаганде, что Запад – зло. Энджио были веселые и у меня с ними никогда не получалось проговорить более получаса, ведь я приехала в Афганистан просто работать, а не спасать человечество, и посему я была для них неформат. «Елена, вам нужно зарегистрироваться в русском посольстве, если что». «Если что - что? Не переживайте, я везучая». Еще на таких вечеринках было много разных журналистов-на-три-дня, девушек из Узбекистана и Таджикистана, вполне приличных, лишь приставших к этой пиратской шхуне в качестве бухгалтеров, менеджеров по снабжению, логистов. Они были «наши», так как говорили по-русски, и, в принципе, они были – наши. Родные. А еще филиппинки, вербующие

американцев, китайки, которые все были как часть одной большой мафии. И весь этот салат национальностей танцевал, пил пиво и водку, иногда и то, и другое вместе, закусывал кебабом и удивительной нежности «наном» (хлебом). «Нан таэрос» - кушать подано. Хлеб и еда на фарси одно слово. Так верно...

Я попала в Афганистан в тот замечательно-буйный период, когда в спецмагазинах алкоголь продавался всегда и ящиками, афганцам не возбранялось принимать участие вот в таких межгалактических сабантуях, деньги из казны Евросоюза и США лились рекой, правда в карманы специалистов того же Евросоюза или США. Но, даже осев в сусеках веселых Роджеров, эти фонды были действительно гостеприимны и мы гуляли на всю катушку.

«Все равно почитайте, даже на фарси». Мы забились в уголок, сдвинули впереди стулья. Худой сутулый пожилой афганец в неизменно потертом костюме, с бесконечно длинными пальцами и пронзительно-печальными глазами и русская девушка, которая притащилась на этот конец света то ли по ошибке, то ли по какому-то космическому предзнаменованию. И он читал. На языке ангелов. Ведь фарси – это язык ангелов. В нем столько гласных, мягких «Ч» и «Эль», что когда они говорили, мне казалось – это канарейки. Целые кварталы канареек, куда меня однажды провел Ахмед. «Птичий рынок, сюда нельзя женщинам, тем более иностранкам». Но мне было можно, так как он знал каждого бомжа на базаре. Со всеми он почтительно раскланивался и три раза целовался. Многие в ответ целовали его руку. Птицы в каждом дворе, клетки, клетки. Каждый двор – поющий. И люди такие же – как птицы.

«Ты же не понимаешь, что я читаю?». «Нет, конечно. То есть – да». Иногда он переводил какие-то фразы. Но мне просто нравилось слушать. Словно литургию. Где ничего непонятно – и понятно все. «Читай, Ахмед. Продолжай...». Я периодически приносила водку, и мы смотрели в бесконечно звездное небо, которое на двухтысячной высоте Кабула еще ближе, и мне казалось, что я стала ближе им – крылатым.

«Война не только разрушила нашу страну. Она убила наши души. Нам предстоит долгий путь - домой...». Он писал по ночам все подряд: статьи в газеты, рассказы, стихи, заметки по агрономии. По утрам он строил дорогу и оказался самым смышленным строителем, так как не воровал и его почитали, как учителя.

«Ахмед, возьмите меня тоже по святым местам». Несколько узбечек, Ахмед в национальной длинной рубахе и я сели в старый грязненький микроавтобус (чтобы не привлекать внимание) и отправились на могилы святых. Я среди них была единственная христианка, и мне порекомендовали остаться в машине, а не ходить в маленькую мечеть на кладбище. «Надень платок», - заговорщицки шепчет мне

Ахмед. «И делай то же, что Феруза». Водитель с осуждением что-то говорит Ахмеду и стреляет в меня глазами, видя что я пробираюсь вслед за всеми. Я выпрыгиваю из машины, заматываюсь шарфом по уши и плетусь за вереницей узбечек. Мы возле надгробия священного воина джихад. Страшные и странные слова. Все молятся – и я тоже. Подношу руки к голове и потом опускаю в ладони лицо. Меня никто не замечает. Мне странно и тихо. Надгробие воина, погибшего за свободу. Какая разница чью.

Каждый раз, когда я зарекалась не возвращаться в Афганистан и все равно возвращалась, мы обнимались как старые добрые родственники и учтиво по-восточному исполняли ритуал: «Как твои родители?» «Все хорошо» «Как ваша жена и дети?» «Все хорошо» «Как идет строительство?» «Иншалла...». Каждый раз, когда я уезжала в Россию и надеялась, что это наконец и навсегда, и что в этот кошмар я больше не вернусь, он приносил орехи и сладости маме и папе, и мне хотелось расплакаться. «Господи, но – почему? За что?»

Во времена талибана Ахмед и Устад содержали нелегальную школу для девочек. За один этот инцидент каждому из них грозила немедленная смертная казнь, так как женское образование, да и вообще любое светское образование, было строгойше запрещено. В подвале, при свете керосиновых ламп, они учили математике, поэзии, языку. Они учили детей, хотя до взрыва башен-близнецов не было никаких надежд на свержение режима талибов. Они просто учили, рискуя жизнью, надеясь на что-то нереальное. Веря в будущее, в которое так сложно было поверить.

Когда я смотрю на розы, вспоминаю Ахмеда и его Афганистан. Взрыв красоты и неземной стойкости на колючем грязном стебле. Розы росли по всему Кабулу и пыль с их листьев невозможно было отмыть даже ферри. Такие они и были: серо-красные. В серо-голубой стране. Скребущиеся, тянущиеся к свету. Вопреки.

Каждый раз, когда мне говорят, что Джелаладдин Руми турецкий поэт, я их поправляю – он родился и вырос в Афганистане. Ведь я слушала его - на его родном языке...

3.

Наджиба

Первая женщина, которую я встретила в офисе, как только причалила в Кабул. Я находилась в легком шоке от происходящего и в полнейшей растерянности от собственного безумного решения. Был невероятно теплый и обволакивающий ноябрь. На беседке, укрывающей двор, висели грозди запыленного винограда, в маленьком садике перед зданием цвели розы, в воздухе над всем городом стояло тяжелое облако из пыли и гари, а также ни на секунду не исчезающие ароматы кебаба и кумина.

Тихая тень несколько раз проскользнула по этажу, потом Ахмед подвел ее ко мне и представил. «Наджиба». Тень воплотилась передо мной в виде изящной и удивительно прямой женщины непонятного возраста во всем черном. Она поправила шарф, вытерла об одежду руки и вдруг взорвалась ослепительной улыбкой. А потом как-то неожиданно резко обняла меня и звонко расцеловала во все щеки как ребенка.

Наджиба делала все. Мыла полы, готовила, приносила чай гостям. Мне было совестно и неудобно за свое сидение за компьютером. Иногда я ей помогала на кухне что-то резать или разливать. Мы смешно и удивительно общались. Я сначала пыталась на английском, а так как для нее было без разницы, русский или английский, то я перешла на русский, ибо на родном языке телепатировать легче. Она же щебетала и щебетала без умолку. О детях, о детях. О муже, который «О-оо-ххх». О продуктах, которые все плохие. О воде, которой нет. Афганцы совершенно разучились готовить за двадцать лет войны. Когда-то, в этой центральной стране Востока, на перекрестке Индии и Узбекистана, наверняка была своя кухня, иначе быть просто не может. Но на тот момент, все, что готовили бесконечно меняющиеся поварахи, ограничивалось «пиловом», чебуреками «булани», «чипсами» (картошкой-фри) и вариациями жареного мяса. Все в диком океане масла. Несъедобно. Я научила Наджибу строгать салаты и мять в молоке пюре, и даже новогоднему оливье. Мы очень много смеялись пытаясь понять на пальцах обозначение того или иного ингредиента, а потом еще и угадать, отправляя мальчика за Этим на рынок. Меня это непритязательное общение умиляло и грело больше, чем глубокосодержательные беседы с коллегами по «несчастью», тем более что интересы у меня, и у многонациональной хартии, приехавшей на край света «сколотить деньжат» или «получить дозу экстрима» разнились.

Наджиба часто приносила фотографии своих детей. Они жили в лагере для беженцев, а после того, как она начала работать, перебрались всем многодетным семейством в глинобитную лачугу. Наш офис был для нее несравненно больше,

чем дворец. Ей нравилось, что я высокая и что у меня светлые волосы. «Лана..» - улыбалась она и гладила меня по волосам. «Бьютифул». А мне она просто нравилась, так как была красивой. По-настоящему красивым человеком с глазами, полными какой-то огненной любви. Ко мне, детям, неработающему мужу-инвалиду, бывшему полевому командиру талибов, своему то ли проклятью, то ли радости. Она и судьбу свою любила, хотя горестно объясняла мне, что после работы в офисе ее ждет та же самая работа дома до ночи. «Оо-охххх». Но она счастлива. Потому что – просто счастлива.

Однажды мне стало невмоготу. Как-то навалилось все – потерянность, отчаяние, неумение от себя убежать, страх. И я, посередине дня, кинула все дела и поднялась в комнату. Меня вдруг передушил спазм странного сухого горя и я вся сжалась на кровати не в силах расплакаться. В комнату тихо вошла Наджиба и начала гладить мои волосы. И вдруг что-то внутри лопнуло и я, тихо вздрогнув, проглотила слезу. Она прижалась ко мне и стала что-то такое снова рассказывать про себя, свое нелепое жилище, где нет света, воды и отопления. Про детей. Про невозможность купить всем обувь на зиму. Она говорила мне, и я впервые осознавала, что все-все-все понимаю, и слезы катились из ее огромных темных зеркал навстречу мне, размывая косметику. Она сняла шарф и начала растирать все это месиво по лицу. Я же, уткнувшись ей в плечо, вдруг разрыдалась обо всем, так глупо случившемся или нет в моей жизни, и о тех, кто не, и о... И мы сидели, обнявшись, у меня на кровати и ревели, как две дуры. Каждая о своем. Так просто.

А на следующий день все было как обычно. Люди, встречи, планы, отключения света, иногда маленькие землетрясения, пыльные бури. Наджиба разносила чай. Мыла полы. А когда уставала, приходила в мой офис, закрывала дверь, садилась в кресло, чтобы отдышаться и начинала щебетать. О том, о сем, о женском.

И мне было так хорошо, словно мама рядом. А однажды я заглянула в документы с карточками работников, и удивленно прочитала, что она старше меня всего на два года. А мне казалось, что на десять жизней...

Когда я уезжала, она подарила мне дешевый браслет, который я, конечно же, потеряла. Я ей оставила почти все свои вещи. Что я еще могла оставить?

4.

Шабнам

Однажды я нашла у себя в ящике растрепанный тампон. То есть он был растрепанный наполовину: нижняя часть все еще в пластике, а сверху торчащее гнездо, как цветок хлопка. Мне было смешно. Я улыбнулась. Девушки, промышлявшие уборкой в комнатах, зеленоглазая дородная Нина и юркая пытливая Шабнам, дочь Наджибы, зачастую приводили меня в легкое замешательство. Во-первых, я была существом женского пола, с западными причиндалами, как то: дезодорантами, тампонами, бесцветным блеском для губ, и так далее разным, что повергало в недоумение наштукатуренную, как актера японской оперы, Нину. У меня никогда ничего не пропадало, но все как-то смешно тестировалось, словно в магазине косметики. Часто девчонки просто не могли закрыть крышку, и заваливали злополучную коробочку разным хламом, а я потом билась в истерику в попытках это найти. Когда же я из очередного трипа домой притащила холсты и этюдник, Нина во мне окончательно разочаровалась, а Шабнам все чаще и чаще стала посещать мои пенаты. И лишь когда я ее застукивала за размазыванием пальцем только что покрашенных холстов или незакручиванием скипидара, то просила ее таким слегка учительским тоном позвать Наджибу. Наджиба приходила и мы с ней развлекались: я ей изображала жестами Шабнам, та валялась на кровати от хохота (тихо), ведь Шабнам наверняка стояла под дверью и подслушивала.

Когда Наджиба впервые привела ее помогать по кухне, Шабнам было лет двенадцать. Это было очень красивое существо, как и сама Наджиба. Огромные светло-золотисто-карие глаза с крупинками, смуглая оливковая кожа, какая-то птичья изящность, подстриженные до плеч волосы и неистребимая неугомонность. У Шабнам все валялось из рук, разбивалось, она все время засматривалась то на цветы, то на инженеров, или играла с котенком. Наджиба на нее покрикивала и шипела, а та в свою очередь рассыпалась в ответ смешными «гули-гули-гули» (что наверняка переводилось «мама, отстань, я потом все подмету»).

Если бы у меня спросили, видела ли я в своей жизни Лолиту (настоящую Лолиту), я бы утвердительно закивала в ответ. Юные американки меня забавляли, но я никак не могла понять, как Набоков нашел Лолиту среди Них, хотя, если учесть великое русское воображение, все можно допустить. Но - передо мной резвилась и носилась кубарем аутентичная кабульская Лолита. Иногда она затихала в моем офисе, забившись в любимое наджибино кресло, и начинала рассказывать своим странно-низким хриловатым, словно прокуренным голосом. Иногда в своих рассказах (где я ей всячески поддакивала) она понимала, что я ничего не понимаю, вдруг как-то очень по-взрослому злилась, маленькой пантерой подскакивала к

моему столу и начинала грозно размахивать руками прямо перед моим носом. И нечто очень кавказское выдавала, продвигаясь глазами все ближе и ближе, переходя периодически на шепот, что я бы перевела как: «Я тебе тут про свою жизнь, а ты, делаешь вид, да? Шутишь, да? Думаешь такая умная, да?». Мне вдруг ясно виделось, что она унаследовала от растворенной в мире Наджибы, а что - от полевого командира.

Шабнам в свои двенадцать была цветком, вооруженным до зубов всем арсеналом редкой женщины за тридцать. Перед ней столбенели американские специалисты и даже мой друг по любви к Лорке, аргентинец Хуан, как-то поделился со мной замечанием, что Шабнам какая-то странная. «Она просто слишком опасная». «Да, скорее так».

Она все время вертелась в офисе и быстро схватывала новое наречие. У нее был смешной учебник английского языка, похожий на прописи, и я не могла понять, как по этой книге можно что-то выучить. Но Шабнам не терялась. Она разговаривала то с одним, то с другим и проводила все свободное время перед телевизором с CNN. В перерывах она пыталась помогать Наджибе, и это было ощутимо по чертыханиям на кухне. Также она постоянно изучала устройство моей косметички и состав масляных красок, что было совершенно заметно по ее физиономии.

Я для нее была какая-то точка X. Я это вывела по тщательности, с которой она меня сканировала. «Тебе нужно учиться», - говорила я Шабнам, когда та смогла более менее понимать английский. И повторяла ей это снова и снова. «Учись. Читай, все читай». Хотя помня о том, что Александр Македонский, пройдя полмира, женился в итоге на афганской принцессе, втайне мечтала, что найдет австралиец-японец-испанец, который вывезет, выкрадет ее отсюда, где ей уготована участь унижительного замужества по воле отца и ломки, ломки, ломки...

Однажды она ворвалась прямо посередине небольшого совещания в конференц-зал с открыткой, на которой был изображен крокодил. «Флорида, да?», - и она вворачивает свой пристальный золотистый взгляд прямо в президента компании, который был родом из Майами. «Да, во Флориде живут крокодилы. Ходят по дорогам и едят маленьких девочек. Ням, ням, ням». Она, не отрывая взгляда от удивленного мужчины, вдруг медленно целует крокодила на открытке, поворачивается и выбегает из помещения. Все присутствующие находились в шоке минуты две, пока в воздухе все еще стоял какой-то грозовой заряд, потом как-то отдышались и вернулись к обсуждению планов по строительству аэропорта. Ей после этого хорошо попало и она не появлялась в офисе недели две.

Шабнам не стала моей подружкой, как Наджиба, но мне было ее искренне жаль. За

то, что она, в свои двенадцать лет, никак не могла понять, почему одни люди должны носить чай, а другие его пить. Почему у одних женщин есть духи, обувь и косметика, а у других есть лишь семеро братьев и сестер, за которыми нужно смотреть. Я знала, чувствовала ее – нет, не зависть, а какое-то недоумение. Или – сопротивление этой вселенской несправедливости. Она вся бунтарствовала и не могла смириться с тем, что она другой сорт человечества. Она ненавидела Наджибу за то, что та домработница. Ненавидела детей Устада, за то, что у них было то, чего не было у нее. А я ненавидела эту жизнь, в которой все судьбы ходят по кругу. Матери, дочки, бабушки. И мне смутно молилось, желалось, мечталось, чтобы она – этот маленький редкий цветок СМОГ. Смог выскочить из космоса повторений и стать актрисой, или женой посла, или, на худой конец, просто любимой. Но зная жесткую кастовость и тщательность, с которой афганцы выбирают семью, родителей, достаток, генеалогию для избранников своих детей, мне понималось, как эти мои мечты нереальны.

Они очень красивы. Они прекрасны. Иногда лица на улицах меня просто останавливали. Я не могла понять, почему. «В Афганистане осело войско Александра Великого». «Мы единственные, уцелевшие во время потопа» (действительно, в афганских легендах миф о потопе отсутствует). «Мы очень дорожим чистотой крови». Много, много раз я спрашивала Ахмеда, Устада, голубоглазого блондина Туриаллая, о котором можно было бы сказать: «Стопроцентный уроженец Новгорода». Они лишь пожимали плечами. Война, война и еще раз война. Столетия войны: с англичанами, с Индией, с Пакистаном, с Ираном, с Советским Союзом. Они ни на час не переставали воевать. Я была удивлена, как они еще живы...

Шабнам была такая девочка-воин. Меня как-то осенило. Как озарение. Я могла бы легко ее представить в черных одеждах смертницы или с огромным средневековым мечом. «Храни ее, Бог», – шепталось мне. А огонь внутри Шабнам только начинал разгораться, хотя она потихоньку росла и немного внешне смирела. То ли ей объяснили нормы и правила игры, то ли начали активно перевоспитывать дома. Но она все реже била посуду или делала маленькие «Ой, Шабнам. Ну опять эта Шабнам».

Она меня как-то затаенно ждала и бежала встречать каждый раз, как только я возвращалась в Кабул. Зайдя в комнату с дороги, я могла найти на подушке открытку с иранской пэри, или смешную помаду, или маленькую розу. Она подолгу стояла у холстов, которые я километрами красила не в силах развлекаться чем-то другим после работы, и как-то пристально туда всматривалась, словно пытаюсь найти ответ. А потом, когда мне нужно было уезжать в Россию, она снова умиленно-рассерженно выговаривала: «Лана шууууу!», актерски расставляла в воздухе пальцы, и то переходила на полусшепот, то снова заходила в «гули-гули-

гули». И хотя к тому времени она уже сносно объяснялась по-английски, мы все равно балалакали на ее языке, и мне нравилось ее дешифровать, словно я - священник, а передо мной Лилу из «Пятого элемента».

Я не знаю, где она. Что с ней. Ей уже восемнадцатый год, и она наверняка уже сосватана. А может, случится чудо. И Люк Бессон решит снять фильм об Александре Македонском, и тогда я прыгну на самолет Москва-Париж и закричу прямо на трапе: «Люк, я знаю, где тебе найти принцессу для Александра» (Александром, конечно же, будет Бред Питт).

А потом мы сядем на маленький Ан-24 на границе Таджикистана, и полетим над безумно-космической красоты пятитысячным плато Хинду-Куш, под ногами ледниковых вершин будут проходить стада овец, а вдали маячить снежные Гималаи, и я буду голосить через рев моторов старенького самолета: «Смотри, Люк. Это забытая всеми земля. Она убога и удивительна, архаична как утерянные свитки и наивна, словно только народилась на свет. Здесь столько чистоты, скорби и неба, что однажды прикоснувшись, ты станешь другим человеком.

Ты изменишься, и навсегда останешься – здесь... »

2007-2009

Данный текст опубликован в сборнике:

Тысяча и две ночи: Наши на Востоке

Редактор: Эльчин Сафарли

Языки: Русский

Издательство: АСТ, Астрель, ВКТ

ISBN 978-5-17-065049-1, 978-5-271-26826-7, 978-5-226-02065-0; 2010 г.